

УДК 821.161.1.092

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.17

О.В. Железова

Возрастные инициации в повести Л.Н. Толстого «Детство»

В статье рассматриваются инициации как предмет междисциплинарного исследования и последовательный закономерный процесс развития и становления личности. Формирование высоких моральных качеств и сложность прохождения возрастных кризисов в детском возрасте, их реализация во времени и пространстве детально изображаются Л.Н. Толстым в повести «Детство».

Ключевые слова: повесть; детство; возрастные инициации; психологизм; мотив.

Возрастные инициации — междисциплинарное понятие, широко применяемое в исследованиях мифологов, религиоведов, этнологов и антропологов. К данной теме в своей научной деятельности обращались Э. Дюркгейм, К.Г. Юнг, Ж. Дюран, Р. Генон, М. Элиаде и Л.С. Выготский и др.

По мнению ученых, возрастные посвящения у древних славян являлись определенным институтом социализации, который обеспечивал экологичный переход человека в новые социальные условия, свойственные конкретному возрастному периоду.

Первая часть трилогии Л.Н. Толстого «Детство» неоднократно становилась предметом изучения целого ряда исследователей: П.И. Бирюкова, Н.И. Бурнашевой, П.П. Громова, Н.Н. Гусева, А.Б. Есина, Н.Е. Осипова, В.И. Порудоминского, О.В. Сливичкой, И.В. Страхова, Б.М. Эйхенбаума и др.

Повесть «Детство» претерпела четыре редакции, причем каждый раз изменялся ее сюжет, смысл и панорама происходящего. Но с самого начала писатель видел в произведении только часть большого жизненного цикла, переложеного на бумагу. Изначально авторский замысел охватывал детство, отрочество, юность и молодость [7: с. 189], но впоследствии определилось и реализовалось три периода, связанных с возрастными инициациями. Неизменной осталась особая любовь Толстого к деталям, которые помогают из частного сложить большое и емкое общее. Это бесфабульное произведение соединяется не событиями, а очередностью сцен, подробно развернутых во времени [3: с. 15]. Параллельно с ходом времени герой перемещается по дому, из одной комнаты в другую, все события свершаются в пределах замкнутого пространства, как и настоящая чувственная жизнь протекает во внутреннем мире мальчика.

Психологически это обоснованный прием, ребенок видит и постигает мир во всех мелочах и деталях, формах и красках и уделяет внимание всему тому,

что взрослому кажется неважным или незначимым, вследствие чего может не учитываться вообще. Жизнь зрелого человека состоит из больших мазков, рисунок детства раскрывается в деталях. Из этого свойства детской психики складывается особенность возрастного периода, когда наряду с радостью и доверием к миру в сознании ребенка живут страхи и тревога.

В первой части трилогии Толстой показывает детство как явление, как персонаж. Автор помещает данный период между двумя смертями мамы — выдуманной и действительной — и далее прячет в шкатулку дорогих воспоминаний. Все последующие произведения писателя уже не будут носить такого трогательно-ностальгического и сентиментального характера.

Подобная полярность ощущений — выдуманное/действительное — свойственна практически всем героям повести, особенно Николеньке Иртеньеву. Амбивалентность чувств окружающих людей на протяжении всего повествования дополнительно высвечивает нетронутый жизненным опытом внутренний мир ребенка, тем самым усиливая контраст и показывая амплитуду эмоций мальчика. И именно амбивалентность вызывает ощущение тревоги как сигнал организму, когда что-то идет не так.

Прием детализации контрастов эмоций в литературе порождает новый стиль особого психологизма и глубину раскрытия образов героев, присущую авторскому почерку писателя. Это одна из серьезных причин обращения к психологии характеров через призму аналитических теорий разных школ. Об этом же интересе к подробностям говорит Б.М. Эйхенбаум: «Перед нами — мир, рассматриваемый в микроскоп. Подробно описываются позы и жесты — традиция, идущая от Стерна, но здесь прием этот мотивирован детским восприятием Николеньки...» [6: с. 72]. Но иногда в своих дневниках писатель высказывает опасение, что с таким чрезмерным анализом он становится похож на людей со стремлением к особенной чувствительности.

Толстой остался без матери, когда ему исполнилось два года. Описания, связанные с образом матери в этой части трилогии, основываются на воспоминаниях других людей и личных ощущениях автора. «Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была в это время, мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь...» [2: т. 1, с. 8], — читаем в главе о маме. Другие герои практически полностью списаны с реальных людей из окружения Л.Н. Толстого.

Событийный ряд повести укладывается в два дня, насыщенных фактами и эмоциями, возникает впечатление концентрации времени. Это еще одна особенность авторского стиля — игра с большими и малыми пространствами в различных вариациях. Особенный почерк писателя позволяет большую форму трилогии, названия частей которой («Детство», «Отрочество», «Юность») уже являются описанием возрастных инициаций, детализировать и в событиях двух дней «Детства» показать полный жизненный цикл человека с теми же возрастными инициациями в периоде [4: с. 57].

Согласно «Словарю аналитической психологии» термин «инициация» означает обряд перехода из одного состояния в другое: иницируемый преодолевает некие испытания и получает право на определенное поведение или действия [10], это всегда расширение личного опыта и подтверждение внешнего признания. Инициация имеет сакральный смысл, а философами-традиционалистами трактуется как второе рождение.

Классификация возрастных кризисов, по Л.С. Выготскому [1], в параллели с традициями славянских инициаций выглядит следующим образом:

- 1) кризис новорожденности (младенческий возраст — от 2 мес. до 1 года) соответствовал обряду имянаречения;
- 2) кризис одного года (раннее детство — от 1 до 3 лет) — обряду пострижин;
- 3) кризис 3 лет (дошкольный возраст — от 3 до 7 лет) — обряду сажания на коня (мальчики) и зарницы-провестницы (девочки);
- 4) кризис 7 лет (школьный возраст — от 8 до 12 лет) — обряду подпоясывания (мальчики) и закосычения (девочки);
- 5) кризис 13 лет (пубертатный период — от 14 до 18 лет) — обряду Ярилы (юноши) и Лельник (девушки);
- 6) кризис 17 лет — обряду Перунова меча (юноши) и Вестунки (девушки).

Каждое возрастное посвящение — это серьезное испытание не только для ребенка, но и для его окружения, своеобразный экзамен на готовность к новому этапу жизни, где наряду с волнением ожидания наступающего события присутствует тревога не справиться с происходящим.

Произведение начинается с точной даты, акцентированной на дне рождения, — пространственное указание на обряд имянаречения — Карл Иванович задевает ангела на полке над кроватью Николеньки. При рождении у ребенка появляется ангел-хранитель и дата его особого почитания.

Обряд пострижин сопровождается множеством предметов, расставленных по всем комнатам, на которых сосредоточивается внимание мальчика. В настоящем ритуале традиционно использовались орудия труда, оружие, книги, деньги, и по проявленному к ним интересу определялся род занятий малыша в будущем. Значение предметов трактовалось следующим образом: орудия труда — ремесленник или хозяйственник, оружие — военная служба, книги — научные знания, исследования или преподавательская деятельность и деньги — финансовая сфера. В тексте описаны чайные принадлежности мамы, книги, часы и очки Карла Ивановича, в кабинете отца лежали бумаги, деньги и велись разговоры о доходах и владениях. Николенька в равной степени уделяет внимание предметам в каждой комнате.

Инициация подпоясывания представлена несколькими эпизодами в моменты сборов, начиная с первого пробуждения, когда Карл Иванович помогает мальчику одеться, и в это утро Николенька тревожится об отношении к нему, принимая заботу наставника за неуважение. Сборы на охоту и поездка к бабушке тоже акцентируют внимание на деталях, имеющих отношение к подпоясыванию.

Начало и окончание произведения капсулируется одним и тем же событием — смертью матери, от воображаемой к реальной как свершившемуся факту. Взросление мальчика начинается с детских обид. В преодолении сложностей он идет к осознанию ценности жизни, где плата за взрослость — горькие слезы. Амбивалентное сопоставление детских и взрослых эмоций в ребенке — контраст в авторском стиле. Тревога вынуждает ребенка вызвать жалость к себе: «Я сказал ему, что плачу оттого, что видел дурной сон, — будто татап умерла и ее несут хоронить. Все это я выдумал, потому что решительно не помнил, что мне снилось в эту ночь...» [2: т. 1, с. 4]. Чуть позже, осознав сказанное, Николенька плачет от страха возможного: «тревога поселяется в душе Николеньки после того, как он рассказывает свой “сон” Карлу Ивановичу. Его страх потерять самого близкого человека сублимируется в виде воображаемого сна» [4: с. 58]. Настоящая потеря рождает горькие слезы: «Вспоминая теперь свои впечатления, я нахожу, что только одна эта минута самозабвения была настоящим горем» [2: т. 1, с. 85].

Со смертью одного из родителей детство заканчивается независимо от возраста человека. Это еще один вид инициации — приобщение к старшинству своего рода, когда происходит одномоментное взросление и изменение жизненных задач.

Обряд Ярилы символизирует переход мальчика в состояние юноши, когда он проверяет свою силу. Ему предстоит уйти в лес, чтобы проявить мужские качества и победить зверя. В главе о подготовке к охоте лошадь сравнивается с бешеным зверем. Упоминается эпизод, свидетельствующий о том, что обряд посадки на коня уже совершен: «Я был в сильном нетерпении: взлез на свою лошадку, смотрел ей между ушей и делал по двору разные эволюции <...> — Будь покоен: мне не в первый раз, — отвечал я гордо» [2: т. 1, с. 21–22].

В главе «Охота» описывается прохождение героем обряда Ярилы как возрастного посвящения. При этом мальчик не справляется с лесными испытаниями и переживает отчаяние, тревогу, стыд за возможное порицание — неудавшийся опыт в качестве охотника. «Мне было бы легче, ежели бы он меня, как зайца, повесил на седло» [2: т. 1, с. 25], — думает он, пребывая в горестном состоянии от случившегося.

В продолжение настоящей охоты Николенька идет на охоту воображаемую, где большой Володя является помехой и своеобразным испытанием в процессе инициации. Игра в Швейцарского Робинзона символизирует схватку с чудовищем, после которой герой приобретает новые личностные качества. В.Я. Пропп в работе «Морфология волшебной сказки» подробно рассматривает мотив змееборства в различных вариациях, среди которых представлен материал о змеепоглотителе. Пропп обращается к историческим корням обрядов-инициаций, когда единосущее со съедаемым наделяло его качествами тотема и «посвящаемый как бы переваривался и извергался новым человеком» [9: с. 307].

Мотив змееборства также может быть рассмотрен через модель триединого мозга, которую предложил в середине 1950-х гг. американский нейробиолог

П.Д. Маклин [8] (в 1970-е гг. он был директором лаборатории эволюции мозга и поведения при Национальном институте психического здоровья в Мэриленде США). Согласно этой модели человеческий мозг делится на три эволюционных раздела, где древнейший — рептильный мозг (R-комплекс) — имеет одноименное название с древнейшей формой жизни (змеи, пауки, драконы) и повторяет эту животную модель поведения. В зоне контроля этой части мозга находятся инстинкты, отвечающие за выживание, когда «тот, кого я вижу, — моя еда», или «я еда того, кто смотрит на меня». В результате распознавания ситуации осуществлялся выбор стратегии поведения. У человека в эту область вытесняются все нереализованные аффекты и инстинкты, которые могут быть актуализированы в результате появления благоприятных факторов. Борьба со змеем может служить актуализацией и проживанием вытесненных аффектов, образованных в результате тревоги.

Вторая и третья части мозга, лимбическая система (мозг древних млекопитающих) и неокортекс (мозг современных млекопитающих), эволюционно более поздние, соответственно, выполняют функцию эмоциональной и ментальной обработки информации. Этой моделью могут быть объяснены действия героя, который спасает прекрасную девушку от змея или дракона, где девушка и есть светлая часть личности, постепенно поглощаемая нереализованными аффектами (змеем или драконом) вплоть до разрушения (в сказках — съедения). В контексте взаимоотношений с людьми неокортекс и лимбическая система отвечают за установление здоровых или безопасных личностных границ, где тревога может служить сигналом о возможном или начавшемся их нарушении. Состязания и игры с определением победителя имеют в основе возрастные посвящения, связанные со взрослением мужчины.

Юродивый Гриша может быть рассмотрен как рептильный мозг, вынесенный вовне, когда дети должны были справиться со священным ужасом, т. е. победить себя в страхе. Гриша постоянно молится, он одновременно сочетает в себе признаки жреца, волхва, Бога и олицетворяет страх перед Богом-Отцом. Чувства, пробужденные Гришей и тревожно пережитые маленьким мальчиком, будут сопровождать его всю последующую взрослую жизнь и не забудутся никогда.

Московская жизнь Николеньки описывается тревожными эпизодами — состязания с другими мальчиками и бальный турнир за даму, жестокая психология толпы, наступление новой любви и отказ от любви дружеской, воспитание в страхе и переживания об оценке общества. Каждое событие вызывает в ребенке новые чувства, эмоции, приводит к новым решениям, которые впоследствии сложатся в отдельные ностальгические воспоминания.

Расставание с матерью сопряжено с принудительной сепарацией, проходившей в два этапа: слезы расставания с родительским домом как тревога о неизвестном будущем и слезы по смерти мамы как одиночество во внезапно начавшейся «эпохе отрочества» [2: т. 1, с. 93].

Евангельская тема благословения и исповеди проходит через всю повесть: честные признания себе как самоисповедь; предсмертное письмо и благословение близких от умирающей мамы; соблюдение законов Евангелия и обстоятельность подготовки к уходу из жизни (без сожаления и страха) еще одной святой произведения — Натальи Савишны. Тема исповеди как подведение итогов жизни перед уходом встречается у Толстого в рассказе «Три смерти».

«Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви были единственными побуждениями в жизни?» [2: т. 1, с. 45].

Через инициации и кризисы на протяжении жизни проходит взросление и становление личности, через понимание и осмысление природы своих заблуждений — к себе новому, другому, нравственному [5: с. 111].

Повышение научного интереса к автобиографической литературе обуславливает увеличение числа обращений к изучению автобиографии как к источнику осмысления жизненного цикла человека, что позволяет рассматривать различные аспекты жизненного пути через многочисленные ракурсы и модели поведения, определяемые процессом воспитания, получением инициаций, прохождением возрастных кризисов и преодолением важных этапов на пути духовного роста.

Библиографический список

Источники

1. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: в 6 т. / гл. ред. А.В. Запорожец. М.: Педагогика, 1982–1984.
2. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбилейное изд. М.: Худ. лит., 1928–1959.

Литература

3. *Громов П.П.* О стиле Льва Толстого. Становление диалектики души. Л.: Худ. лит., 1971. 390 с.
4. *Миначева Р.Р.* Перцептуальный хронотоп в повести Л.Н. Толстого «Детство» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. Vedecko vydavatelske centrum Socio-sfera-CZ sro, 2012. №. 45. С. 56–58.
5. *Полтавец Е.Ю.* Аксиология воспоминания в историсофском контексте (на примере «Войны и мира» Л.Н. Толстого) // Эмоциональные концепты в структуре художественного произведения: материалы Междунар. заоч. науч. конф. (Астрахань, 20–25 апр. 2013 г.). Астрахань: АГУ, 2013. С. 105–112.
6. *Эйхенбаум Б.М.* Молодой Толстой. Пб.; Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. 156 с.
7. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

Интернет-ресурсы

8. Портал «Знание» [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.knowledgr.com/00753948/ПолДМаклин> (дата обращения: 25.11.2018).
9. *Пронн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки [Электронный ресурс] // Открытый текст: электронное периодическое издание. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=1941> (дата обращения: 25.11.2018).
10. Словарь аналитической психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edudic.ru/aps/82> (дата обращения: 25.11.2018).

References

Istochniki

1. *У'готский Л.С.* *Sobr. soch.*: v 6 t. / gl. red. A.V. Zaporozhec. M.: Pedagogika, 1982–1984.
2. *Tolstoj L.N.* *Poln. sobr. soch.*: v 90 t.: Yubilejnoe izd. M.: Xud. lit., 1928–1959.

Literatura

3. *Gromov P.P.* O stile L'va Tolstogo. Stanovlenie dialektiki dushi. L.: Xud. lit., 1971. 390 s.
4. *Minacheva R.R.* Perceptual'ny'j xronotop v povesti L.N. Tolstogo «Detstvo» // Sb. konf. NIC Sociosfera. Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ sro, 2012. №. 45. S. 56–58.
5. *Poltavet'c E.Yu.* Aksiologiya vospominaniya v istoriosofskom kontekste (na primere «Vojny' i mira» L.N. Tolstogo) // E'mocional'ny'e koncepty' v strukture proizvedeniya: materialy' Mezhdunar. zaoch. nauch. konf. (Astraxan', 20–25 apr. 2013 g.). Astraxan', AGU, 2013. S. 105–112.
6. *E'jxenbaum B.M.* *Molodoj Tolstoj.* Pb.; Berlin: Izd-vo Z.I. Grzhebina, 1922. 156 s.
7. *E'jxenbaum B.M.* *Lev Tolstoj. Issledovaniya.* Stat'i. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. 952 s.

Internet-resursy'

8. Portal «Znaniye» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://ru.knowledgr.com/00753948/PolDMaklin> (data obrashheniya: 25.09.2018).
9. *Propp V.Ya.* Istoricheskie korni volshebnoj skazki [E'lektronny'j resurs] // Otkry'ty'j tekst: e'lektronnoe periodicheskoe izdanie. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=1941> (data obrashheniya: 25.09.2018).
10. Slovar' analiticheskoy psixologii [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.edudic.ru/aps/82> (data obrashheniya: 25.09.2018).

O.V. Zhelezova

Age Initiation in L.N. Tolstoy's «Childhood»

The article considers initiations as a subject of interdisciplinary research and a consistent natural process of personality formation and development. Generating high moral qualities and the complexity of confronting age crises in childhood, their timing is portrayed in detail by L.N. Tolstoy in the story titled «Childhood».

Keywords: story; childhood; age initiation; psychologism; motive.